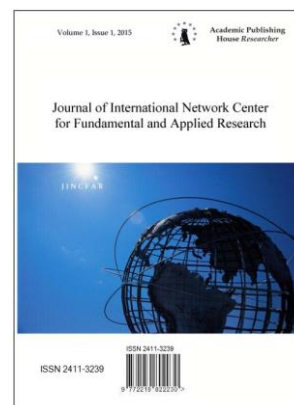

Copyright © 2016 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Journal of International Network Center
for Fundamental and Applied Research
Has been issued since 2014.
ISSN 2411-3239
E-ISSN 2413-7588
Vol. 9, Is. 3, pp. 115-122, 2016

DOI: 10.13187/jincfar.2016.9.115
www.ejournal36.com

Articles and Statements

UDC94 (47): 073 + 084.6

The Problem of Sedentarization of the Kalmyk People in the Context of Government Plans to Modernize its Management and Socio-Economic Way of Life (Middle of XIX – First Third XX Century)

Sergei S. Belousov ^a

Institute of socio-economic and humanities research Southern scientific center, Russian Academy of Sciences, Russian Federation
E-mail: sbelousovelista@mail.ru

Abstract

In article on the basis of archival documents the article considers the role and place of the process of sedentarization in the government's plans for transforming the management and socio-economic way of life of the Kalmyk people during the XIX–first third XX century The author conducted a comparative analysis of Imperial and Soviet models of sedentarization of the Kalmyk people, highlighting their similarities and differences. The author notes that the Central authorities and the Imperial and Soviet era policies of sedentarization in Kalmykia was guided primarily by the goals of incorporation and modernization of the region.

Keywords: sedentarization, Kalmykia, public policy, nomads, integration, modernization.

Введение

В отечественной и зарубежной науке проблема седентаризации калмыцкого народа в контексте модернизации его управления и социально-экономического уклада жизни специально не исследовалась. Отдельные её аспекты нашли отражение в работах отечественных авторов, но обобщающего исследования, охватывающего все стороны данной проблемы и длительный временной отрезок времени, ещё не проведено. Большинство отечественных исследователей рассматривало данную проблему сквозь призму государственной школы или с позиций марксизма, по нашему же мнению политику российского и советского правительств по седентаризации калмыцкого народа целесообразнее рассматривать с позиций модернизационной парадигмы.

Материалы и методы

При подготовке данной статьи были использованы в основном материалы Российского государственного исторического архива (РГИА) и Национального архива Республики Калмыкии (НА РК).

Исторический опыт политики седентаризации представляет не только интерес для научного сообщества, прежде всего, в контексте изучения особенностей региональной

политики, но и может быть в определенной степени полезным для органов государственной власти, непосредственно занимающихся проблемами повышения эффективности внутренней политики и укрепления государственного единства страны.

В процессе исследования был применён метод историко-сравнительного анализа, позволяющего путем сопоставления выделить общее и особенное в политике российского руководства на различных исторических этапах.

Обсуждение

В XVII – XVIII вв. российское государство не ставило в качестве своей главной задачи в Калмыкии создание сети оседлых поселений с целью изменения его экономического и социокультурного облика. Калмыки, будучи кочевым народом, не проявляли стремления к переходу на осёдлый образ жизни, не были заинтересованы в этом и российские власти, считавшие, что кочевой образ жизни калмыков лучше всего отвечает интересам защиты южных границ страны. Попытки отдельных представителей калмыцкой знати перейти к осёдлому образу жизни вызывались не объективными обстоятельствами, а субъективными факторами. В таких случаях калмыков старались селить за пределами территории кочевания основной массы их сородичей, в целом негативно воспринимавших отход от традиционного уклада жизни.

После откочевки в 1771 г. в Джунгарию большей части калмыков их военный потенциал сильно сократился, и российское руководство взяло курс на постепенную инкорпорацию оставшейся части калмыцкого народа в российское социокультурное пространство. Эта политика стала реализовываться в первой половине XIX в. и её конечной целью являлась инкорпорация Калмыкии в российское социокультурное пространство и создание необходимых условий для её модернизации, при этом одним из главных инструментов достижения этого выступала политика седентаризации.

Путём перевода калмыков на осёдлый образ жизни правительство стремилось изменить социокультурные параметры традиционного калмыцкого общества, преодолеть моноотраслевой характер структуры экономики Калмыкии, улучшить природный ландшафт степи (облесение и обводнение), заселить сухопутные пути сообщения, образовать в Калмыцкой степи восточнославянские анклавы населения. Иными словами, поселенческая политика российских властей на калмыцких землях носила комплексный характер и была ориентирована на их интеграцию с остальной частью России и подготовку условий для их модернизации.

В первой половине 1840-х гг. была разработана специальная программа, в основу которой были положены соображения сенатора, князя П.П. Гагарина, высказанные им после завершения в 1844 г. ревизии управления калмыцким народом. Основательно познакомившись с системой попечительской власти и с другими материалами, он пришёл к выводу, что эффективное преобразование калмыцкого управления невозможно без перевода калмыков на осёдлость. Именно кочевая жизнь, по глубокому убеждению сенатора, породила многочисленные болезни и бедность калмыков, которая толкала их на воровство и другие противоправные поступки. «До сих пор все попечения – писал он – направлены к тому, чтобы образовать управление калмыцким народом, но от того, что суд Зарго будет отдельный, или что дела его войдут в общий состав губернского судебного управления, народ не сделается ни богаче, ни трудолюбивее, пустынные степи, представленные в его пользование, ни оживятся, ни обрабатываются, сообщения, в которых так нуждается край, не улучшатся» [1].

Выход из создавшегося положения Гагарин видел в переводе калмыков на осёдлый образ жизни. Эта мера должна была кардинальным образом изменить жизнь калмыцкого народа, сделав её, с одной стороны, более обеспеченной, с другой – способствовать приобщению калмыков к русской культуре и православной религии.

По мнению сенатора, водворение калмыков следовало проводить поэтапно, разместив их для начала вдоль шести наиболее значимых для государства дорог. Это позволило бы решить проблему освоения важных для России в геополитическом отношении трактов и лучше контролировать процесс оседания калмыков. Чтобы помочь калмыкам быстрее освоиться с их новым положением и научить их занятию земледелием, Гагарин считал целесообразным поселить вместе с ними государственных крестьян [2].

Высказанные князем П.П. Гагариным в ходе ревизии калмыцкого управления предложения о направлении и способах преобразований в Калмыкии заинтересовали Министерство государственных имуществ. Прежде всего, в плане Гагарина привлекало то, что ему удалось удачно свести воедино две ранее отдельно рассматривавшиеся важнейшие проблемы региона: перевод калмыков на осёдлость и заселение имевших стратегическое значение дорог, связывавших Нижнее Поволжье с Северным Кавказом (Царицынско-Ставропольский и Астраханско-Кизлярский тракты).

30 декабря 1846 г. император Николай I подписал указ «О заселении дорог на калмыцких землях в Астраханской губернии» [3] и одноименную инструкцию, которые предусматривали создание вдоль 6 дорог на калмыцких землях 44-х населенных пунктов, с поселением в каждом из них по 50 крестьянских и 50 калмыцких семей. В документах особо подчеркивался сугубо добровольный характер поселения калмыков и крестьян, вопрос стоял о переводе на осёдлость только части калмыцкого народа, пример успешного поселения которой в будущем должен был послужить примером для остальных калмыков.

Реализация правительственной программы 1846 г. продолжалась в течение 30 лет, с 1846 по 1876 гг., и, хотя не все её пункты были выполнены, главная цель – создание оседлых поселений вдоль дорог – была достигнута.

Вместе с тем заселение дорог со всей очевидностью выявило и недостаточную продуманность правительственной программы, проистекавшую, главным образом, из-за отсутствия подробных сведений о колонизационном потенциале калмыцких земель. В результате, вместо запланированных 44 населенных пунктов, было образовано всего 25.

Не увенчалась успехом попытка реализации пункта программы, касающегося перевода части калмыков на оседлый образ жизни. Провал плана перевода калмыков на оседлость в определённой степени был закономерен. Трудно было надеяться привлечь традиционных кочевников к оседлости посредством приучения их к земледелию в местности, где для этой отрасли не имелось благоприятных природных условий. Превратить же калмыков в оседлых скотоводов, даже предоставив им 30-60 десятинные наделы, не позволял экстенсивный характер их хозяйств. Важно отметить, что переходу на осёдлость не способствовала и существующая система землепользования и отсутствие чётких внутренних границ в Калмыцкой степи. Главным их недостатком было то, что они не стимулировали закрепление калмыцкого населения за чётко определённой территорией, без чего невозможен переход к оседлой жизни. Чтобы заставить калмыков сменить свой традиционный образ жизни для начала надо было изменить систему землепользования и административное устройство: эти меры позволили бы создать необходимые предпосылки для перехода на оседлость. В противном случае побудить калмыков перейти на оседлость могли только чрезвычайные обстоятельства, такие, например, как резкое сокращение их земельных владений.

В целом успешным следует признать обустройство в Калмыцкой степи русских и украинских крестьян, которыми была создана вдоль дорог сеть стационарных поселений. Ими были привнесены на территорию Калмыкии начала земледелия и оседлая культура. Кочевое население Калмыкии было знакомо с оседлостью и земледелием ещё до появления переселенцев, однако существовали они в зачаточном виде, и только с появлением переселенческих сел, они прочно укоренились в Калмыцкой степи.

Большое значение переселения имели для самих крестьян, большинство из которых благополучно устроились на новом месте, зажив более обеспеченной, чем на их исторической Родине жизнью.

Не решив проблемы осёдлости, переселения, тем не менее, не прошли для калмыков бесследно. Но влияние это было двоякого рода: с одной стороны, изъятия земель под поселения сузили возможности для развития экстенсивного скотоводства и вынудили часть калмыков искать другие источники существования, и, как следствие, менять привычный хозяйственный уклад и образ жизни; с другой стороны, переселенцы продемонстрировали положительный пример создания стационарных поселений в суровых условиях Калмыцкой степи. В обоих случаях это способствовало переходу калмыков на осёдлость, и показателем необратимости этого процесса служит факт неуклонного роста, начиная с 60-х гг. XIX века, числа перешедших на оседлый образ жизни калмыков.

В 1920–1930-е гг. проблему создания широкой поселенческой сети в Калмыкии и перевода калмыцкого народа на оседлость пришлось решать уже пришедшим к власти в октябре 1917 г. большевикам. Как и предшествующее российское руководство, они считали кочевой образ жизни тормозом социально-экономического и культурного прогресса. Седентаризация калмыцкого населения рассматривалась компартией в русле общей национальной политики, постоянно противопоставлявшийся имперской политике российских властей. Согласно советской концепции национальной политики нерусские народы в прошлом подвергались угнетению со стороны российских властей, и только новая власть смогла ликвидировать это угнетение, сделав их равноправными с русским народом и открыв для них широкие горизонты для их развития. В решении национального вопроса советское государство считало главным преодоление социально-экономической и культурной отсталости нерусских народов и приобщение их к идеям социализма, для достижения которых требовалось создание нового политического ландшафта, с главными действующими лицами из числа «угнетаемых в прошлом народам» [4, 191].

В Калмыцкой автономной области вопрос вовлечения калмыков в социалистическое строительство тормозился многими факторами, главным из которых власти считали кочевой образ жизни. Советским властям пришлось действовать в иной социально-экономической и политической обстановке, что не могло не наложить свой отпечаток на процесс создания поселенческой сети. Начало процесса массового оседания калмыков в 1920-е гг. было связано с последствиями Гражданской войны и голода 1921 г., вызвавших деградацию калмыцкого скотоводства и обнищание населения, в то время как реализация имперской правительственной программы в середине XIX в. по заселению дорог и перевода калмыков на оседлость осуществлялась в условиях стабильного развития калмыцкого общества.

Многие разорившиеся кочевники-скотоводы, чтобы выжить, вынуждены были переселяться в приморскую и приволжскую части Калмыкии, на Ергени и менять специализацию своих хозяйств, осваивая занятия связанные с ведением оседлого образа жизни, прежде всего, рыболовство и земледелие. Это процесс носил массовый и стихийный характер и вызвал тревогу у местных властей. Кочевники основывали поселения в понравившихся им местах, зачастую не имея полного представления об их природных свойствах, иногда такие самовольные водворения приводили к земельным конфликтам с соседним населением. Усилению тенденции к оседлости способствовало также установление нового порядка землепользования в 1924 г., закрепившее за каждым хозяином определенную территорию [5]. Об успехах перехода калмыков на оседлый образ жизни свидетельствовали следующие цифры: если в 1909 г. в Калмыкии кочевыми и полукочевыми были в области 19811 хозяйств (88,3% от их численности), то в 1924 г. таких было уже 15410 хозяйств (66,4 % от их общей численности) [6].

В 1923 г. ЦИК Калмообласти обратил внимание правительства на начавшийся процесс стихийного перехода калмыков к оседлому образу жизни и предложил это движение взять под государственный контроль. Руководство области запросило кредитов на это дело, однако в Госплане посчитали целесообразным вначале провести специальное обследование территории области «с целью установить, как размер оседания калмыков, так и целесообразность перехода к земледелию при наличии хозяйственных и экономических условиях» [7].

В 1924 г. Народный комиссариат земледелия РСФСР снарядил в область Поволжскую колонизационно-мелиоративную экспедицию, которая собрала ценные материалы о природных ресурсах и социально-экономической обстановке в Калмыкии, легшие в основу планирования её развития. Экспедиция подтвердила выводы руководства области о массовом характере процесса перехода к оседлости калмыков и о его неуправляемости со стороны государства. Проблему оседания калмыцкого народа и перестройки в связи с этим его хозяйственного и бытового уклада жизни она напрямую увязывала с вопросом дальнейшего существования калмыцкого народа [8].

Основываясь на материалах экспедиции, руководство области полагало немедленно приступить к организации поселения калмыков в новых стационарных населенных пунктах, в числе первоочередных мер было намечено провести сплошное землеустройство

территории и оказать хозяйственную помощь калмыкам, переходящих к осёдлому образу жизни.

Для решения задачи был разработан «Генеральный план обоседления кочевого населения Калмыцкой автономной области в целях перехода к скотоводческо-земледельческому хозяйству». По нему предстояло «обоседлить» 16390 кочевых хозяйств (82493 чел.), которым необходимо было оказать помощь ссудой на строительство простейшей конструкции землянок и семенников и снабдить их сельскохозяйственным инвентарем [9].

Всего планировалось создать 74 поселка с максимальным количеством в каждом 220 дворов [10]. Процесс выбора мест под поселения возлагался на улусную комиссию в составе членов улусных исполнительных комитетов, улусного земельного устроителя и мелиоратора. В своей работе она обязана была учитывать плотность населения смежных районов, их земельную обеспеченность и взаимоотношения, природные условия, необходимые для существования поселений.

В новых поселениях государством создавалась вся необходимая социально-производственная инфраструктура: 9 больниц в улусных центрах, 9 школ, 28 врачебных амбулаторий, 74 школы, 74 административных зданий для сельсоветов [11]. Намечалось также устройство искусственных водохранилищ: в каждом поселке – по 3 – 4 колодца, по 1 – 2 колодца и 1 пруду в пределах земельного надела каждого населенного пункта [12]. Для реализации проекта перевода калмыков на оседлость в смету была заложена сумма в 11232790 руб. 73 коп.

Срок выполнения проекта определялся в 5 лет, в первую очередь планировалось перевести на оседлый образ жизни в течение 3-х лет 9390 калмыцких хозяйств в Большедербетовском, Малодербетовском, Маныческом и Багацохуровском улусах, затем в течение 2-х лет – 7000 хозяйств в Яндыко-Мочажном, Хошеутовском, Калмбазаринском, Эркетеневском и Икицохуровском улусах [13].

Приступая к реализации программы перевода калмыков на оседлый образ жизни власти опасались, что резкая смена уклада жизни может негативно отразиться на демографических показателях развития калмыцкого народа. В 1925 г. в Калмыцкой автономной области работала экспедиция Наркомата здравоохранения и Государственного института социальной гигиены под руководством П.Ю. Берлина, пытавшаяся выяснить причины снижения численности калмыцкого народа и определить меры по выходу его из сложной демографической ситуации. Начальник экспедиции высказал мнение, что к переводу калмыков на оседлый образ жизни надо подходить очень осторожно, так как это «может пагубно отразиться на состоянии их здоровья» [14]. Тем не менее, все же было решено приступить к мероприятиям по переводу калмыков на оседлый образ жизни: как выразился один из руководителей области: «Калмык обоседляется, так как иначе он умрёт, а обоседляясь – тоже умирает» [15]. Успех перевода калмыков на оседлый образ жизни, по убеждению представителей советской элиты, должен был способствовать преодолению негативных тенденций в демографическом развитии калмыцкого народа и вывести его на более высокий уровень социально-культурного развития. Многие руководители области в то же предостерегали от форсирования данного процесса, высказывая мнение о том, что делать это «путём обязательных постановлений» нельзя, и что вначале необходимо подвести под него хозяйственный фундамент. Говорили они также о том, что при проведении мероприятий по переводу калмыков на оседлый образ жизни власти «должны соотноситься с тем направлением хозяйства, какое наиболее соответствует естественно-историческим условиям данного района» [16].

В 1925 г. в области был образован 21 населенный пункт, в них поселилось 736 хозяйств, из которых половина сумела построить себе дома в том же году [17]. После 1925 г. новых поселений не создавалось и оседание калмыцкого населения шло в основном в старых населенных пунктах.

С началом коллективизации в процесс создания новых поселений были внесены коррективы, направленные на решение задач переустройства сельского хозяйства на социалистических началах. Теперь выбор точек поселения и направленности их хозяйств тесно увязывались с интересами совхозного строительства, больше внимания стало уделяться формированию в новых поселениях объектов социально-культурной сферы.

По обновленному плану в период с 1931 по 1933 гг. было намечено строительство 84-х новых населенных пунктов, с поселением в каждом из них от 50 до 100 дворов. Величина поселков зависела от экономической специализации совхоза и природных условий местностей. Поселения с животноводческим уклоном хозяйства планировалось создавать в районах, где уже имелись машинно-сенные фабрики и сенофуражные базы, с земледельческо-животноводческим уклоном – на оросительных землях [18].

План предусматривал также оказание помощи в аграрной сфере: в местах новых поселений было намечено строительство 7 агрономических пунктов, 7 ветеринарных пунктов, организацию случных пунктов и племенных рассадников. На работу в них решено было направить 28 специалистов из расчёта на каждые 12 поселков – 1 агронома, 1 зоотехника, 1 ветеринарного врача и 1 ветфельдшера [19].

Благодаря помощи государства к 1932 г. удалось перевести на осёдлый образ жизни более половины всех калмыцких хозяйств, однако полуосёдлыми и кочевыми в 1932 г. продолжали оставаться ещё 43,7 % хозяев. В 1932 г. было принято решение перевести на оседлый образ жизни в течение 4-х лет 4210 кочевых хозяйств и для реализации этого плана выделены средства из государственного бюджета [20]. В 1936 г. к ним добавили ещё 300 кочевых хозяйств, которых расселили в 5 новых поселках Долбанского улуса [21].

К началу Великой Отечественной войны в результате настойчивых усилий государства процесс перевода калмыцкого народа на оседлый образ жизни в основном завершился.

Заключение

Проблема седентеризации калмыцкого народа на протяжении XIX – первой половины XX в. являлась одной из важнейших составляющих государственной политики российского руководства в Калмыкии. Перевод калмыков на оседлый образ жизни по замыслу правительства должен был создать благоприятные условия для изменения их социально-экономической структуры и управления, тем самым способствуя постепенному введению кочевого народа в российское социально-культурное пространство.

Имперские и советские власти в осуществлении политики седентаризации в Калмыкии руководствовались, прежде всего, целями инкорпорации и модернизации региона. Советское руководство, как и имперское, считало кочевой образ жизни тормозом социально-экономического и культурного прогресса, но в отличие от него, провело процедуру перевода калмыков на оседлость более решительно, в сжатые сроки и в полном объёме. Советская власть формирование сети стационарных поселений не увязывало с заселением дорог, переселением крестьян и другими задачами, выдвинутыми, как известно, программой имперского правительства в 1846 г. Новые поселения должны были укомплектовываться переходящими на оседлость кочевниками и мигрантами калмыцкого происхождения из других регионов страны. Однако практика показала, что создать полноценные стационарные поселения без привлечения кадровых и трудовых ресурсов из других регионов невозможно, поэтому кадровые и трудовые миграции сыграли большую роль в формировании социально-экономического и культурного облика новых поселений.

Важно отметить то, что в политике создания поселений в Калмыкии советская власть руководствовалась идеями и интересами социалистического переустройства жизни региона, так называемой советской модернизацией. Быстрый успех перевода калмыков на оседлость во многом объясняется большой финансовой и материальной помощью со стороны государства, чего не было в имперский период.

Успех политики седентаризации советского руководства в Калмыкии привел к кардинальным переменам в социальной структуре калмыцкого общества, укладе жизни народа, повлиял на его культуру и другие сферы жизнедеятельности, что, безусловно, способствовало интеграции калмыцкого этноса в российское и советское социокультурное пространство.

Благодарности

Статья выполнена в рамках темы НИР Института социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН «Историко-культурное наследие народов Юга России в условиях модернизации» (0260-2014-0006)

Примечания

1. НА РК. Ф. И-7, оп. 4, д. 24, л. 31.
2. РГИА. Ф. 383, оп. 10, д. 9366 а, л. 27 об.
3. Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗ РИ. Собрание 2-ое. Т. XXI. СПб., 1847, С. 725 – 726.
4. Хлынина Т.П. Политика «положительного» действия, автономия и разделенные народы на Северном Кавказе // Народы Кавказа в пространстве российской цивилизации: исторический опыт и современные проблемы. Материалы Всероссийской научно конференции 13-15 сентября 2011 г. Ростов-на-Дону. Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. С. 191 – 195.
5. НА РК. Ф. Р-112, оп. 1, д. 53, л. 11
6. НА РК. Ф. Р-3, оп. 2, д. 1923, л. 4.
7. НА РК. Ф. Р-112, оп. 1, д. 53, л. 33.
8. НА РК. Ф. Р-112, оп. 1, д. 53, л. 33 об. – 34.
9. НА РК. Ф. Р-3, оп. 2, д. 387, л. 16.
10. НА РК. Ф. Р-3, оп. 2, д. 387, л. 17 об.
11. НА РК. Ф. Р-3. оп. 2, д. 387, л. 18.
12. НА РК. Ф. Р-3, оп. 2, д. 387, л. 19.
13. НА РК. Ф. Р-3, оп. 2. д. 387, л. 21.
14. НА РК. Ф. Р-3, оп. 2, д. 702, л. 1.
15. НА РК. Ф. Р-3, оп. 2, д. 702, л. 1.
16. НА РК. Ф. Р-3, оп. 2, д. 702, л. 2.
17. НА РК. Ф. Р-3, оп. 2, д. 667, л. 258.
18. НА РК. Ф. Р-3, оп. 2, д. 702, л. 5.
19. НА РК. Ф. Р-112, оп. 1, д. 273, л. 44
20. НА РК. Ф. Р-112, оп. 1, д. 273, л. 46.
21. НА РК. Ф. Р-3, оп. 2, д. 1923, л. 6 об.

References

1. NA RK. F. I-7, op. 4, d. 24, L. 31.
2. RGIA. F. 383, op. 10, d. 9366 a, L. 27.
3. Complete collection of laws of the Russian Empire (hereafter PSZ RI. Meeting 2nd. T. XXI. SPb., 1847, Pp. 725 – 726.
4. Khlynina T. P. Policy of "positive" actions, autonomy and divided the peoples of the North Caucasus // the Caucasus Nations in the space of Russian civilization: historical experience and modern problems. Materials of all-Russian scientific conference 13-15 September 2011 Rostov-on-don. Publishing house of SSC RAS, 2011. S. 191 – 195.
5. NA RK. F. R-112, op. 1, d. 53, L. 11
6. NA RK. F. R-3, op. 2, d. 1923, L. 4.
7. NA RK. F. R-112, op. 1, d. 53, L. 33.
8. NA RK. F. R-112, op. 1, d. 53, L. 33 – 34.
9. NA RK. F. R-3, op. 2, d. 387, L. 16.
10. NA RK. F. R-3, op. 2, d. 387, L. 17.
11. NA RK. F. R-3. op. 2, d. 387, l. 18.
12. NA RK. F. R-3, op. 2, d. 387, L 19.
13. NA RK. F. R-3, op. 2. d. 387, L. 21.
14. NA RK. F. R-3, op. 2, d. 702, L .1.
15. NA RK. F. R-3, op. 2, d. 702, L. 1.
16. NA RK. F. R-3, op. 2, d. 702, L. 2.
17. NA RK. F. R-3, op. 2, d. 667, L. 258.
18. NA RK. F. R-3, op. 2, d. 702, L. 5.
19. NA RK. F. R-112, op. 1, d. 273, L. 44
20. NA RK. F. R-112, op. 1, d. 273, L. 46.
21. NA RK. F. R-3, op. 2, d. 1923, L .6 ab.

УДК 94 (47): 073 + 084.6

Проблема седентаризации калмыцкого народа в контексте правительственных планов по модернизации его управления и социально-экономического уклада жизни (середина XIX – первая треть XX в.)

Сергей Степанович Белоусов

Институт социально-экономический и гуманитарных исследований Южного научного центра, Российской академии наук, Российская Федерация
344006, г. Ростов-на-Дону, пр. Чехова, 41
Кандидат исторических наук, доцент

Аннотация. В статье на основе архивных документов рассмотрены роль и место процесса седентаризации в правительственных планах по преобразованию управления и социально-экономического уклада жизни калмыцкого народа на протяжении XIX – первой трети XX в.

Автор провел сопоставительный анализ имперской и советской моделей седентаризации калмыцкого народа, выделив их сходство и различия.

Автор отмечает, что центральные власти и в имперскую, и в советскую эпохи при проведении политики седентаризации в Калмыкии руководствовались, прежде всего, целями инкорпорации и модернизации региона.

Ключевые слова: седентаризация, Калмыкия, государственная политика, кочевники, интеграция, модернизация.